

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI 10.22363/2618-8163-2020-18-1-126-133

Рецензия

Рецензия на монографию В.Г. Костомарова «Стилистика, любовь моей жизни...» (СПб.: Златоуст; М.: Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, 2019. 184 с.)

Е.Ф. Киров

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

История статьи: поступила в редакцию: 18.11.2019; принята к печати: 25.12.2019.

Для цитирования: *Киров Е.Ф.* Рецензия на монографию В.Г. Костомарова «Стилистика, любовь моей жизни...» (СПб.: Златоуст; М.: Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, 2019. 184 с.) // Русистика. 2020. Т. 18. № 1. С. 126–133. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-126-133>

Я держу в руках монографию В.Г. Костомарова «Стилистика, любовь моей жизни», только что вышедшую в издательстве «Златоуст». Книга прекрасно издана, пожалуй, выше качество полиграфии в наше время уже и не встретить. И это понятно: она появилась к 90-летнему юбилею В.Г. Костомарова, поэтому издательство превзошло само себя в искусстве редактирования и полиграфии (спасибо С.Н. Голубеву). И, наверное, правильно, что книга выпущена в Петербурге, потому что она похожа на еще одну, изданную впервые в Петербурге, но намного ранее, – о ней В.Г. Белинский выразился точно – «энциклопедия русской жизни». Более поздняя книга В.Г. Костомарова также энциклопедична, в ней, как в капле воды, емко и ясно отразилась история создания стилистики в нашей стране – в лицах, книгах и образе самого автора, принимавшего самое активное участие в этом процессе. В книге В.Г. Костомарова тоже «на берег охтенка спешит» с замечательным словарем (Г.Н. Скляревская), присутствует изображение всей картины лингвистической жизни эпохи (упомянуты многие ученые, состоявшие в личных контактах с автором книги, – это С.И. Ожегов, К.И. Чуковский, Д.Э. Розен-

таль, Д.Н. Ушаков, С.И. Бонди и другие, и оставившие замечательные научные идеи).

Открывается книга главой «С чего все началось» – автобиографическим очерком о семье, годах взросления в 59-й школе Москвы (бывшей Медведниковкой гимназии), тяжелых годах войны и, наконец, об обретении университета (еще на Моховой) и Учителя – Виктора Владимировича Виноградова. С тех пор – более 70 лет жизни в науке, тысячи публикаций, крупных книг, организация Института русского языка имени А.С. Пушкина и МАПРЯЛ и руководство ими, руководство Академией педагогических наук (впоследствии РАО) и сектором культуры речи в ИРЯ АН СССР, президентство в родном институте имени Пушкина в наши дни, многодесятилетнее руководство диссертационным советом – всего и не перечислишь. Здесь персонажи двух книг разительно (омонимично) расходятся не только по имени (Виталий, кстати, означает «жизненный»), но и по результативности жизненного пути. Однако у обоих в жизни была любовь, в этом они схожи, но опять же наш поздний автор и одновременно персонаж своей книги сохранил и пронес через всю жизнь любовь к единственной и неповторимой женщине, своей жене, да еще и приобрел вторую великую любовь, которая и отражена в названии книги.

Монография представляет собой научный труд, поэтому уже во второй главе «Норма и достойный ее недруг» фактически в первых строках сформировано важнейшее положение: «Норма парадоксально, но неизбежно создает некую противоположность самой себе». В.Г. Костомаров говорит здесь о всеобщем законе жизни, который у Гегеля обозначен как закон отрицания отрицания: накопившееся новое отрицает старое, но придет время, и само оно будет отрицаемо возникшим новым. Однако какое-то время жизнь течет по установленным законам, и в языке – это норма. В.Г. Костомаров пишет: «Норма – законодательница правильности... везде, в том числе в употреблении языковых единиц» (Костомаров, 2019: 26). Далее следует изумительный диалектизм – «правильная неправильность», который предлагает автор для снятия диалектического противоречия, это значит, что в одно и то же время в языке и его произведениях могут сосуществовать разные вещи: «с одной стороны, люди стремятся к порядку однозначности, с другой – к свежему разнообразию и яркости выражения» (Там же: 27). И это действительно прекрасно, совсем плохо в обратном: «Проблема нормы исчезает, когда не из чего выбирать». В этой сентенции проявилась афористичная манера автора излагать свои взгляды (думаю, как и первый петербургский текст, этот поздний московский также разберут на цитаты). Важно, что учитель – В.В. Виноградов – поддержал эти взгляды, согласившись, что вариативность (токсичное в то время слово) имеет право на существование в языке. Были и соратники, которые всецело разделяли эту идею: «Мы с А.А. Леонтьевым много лет назад склонялись к пониманию нормы как совокупности возможностей языка, избираемых под давлением коммуникативной целесообразности при уважении к традиции» (Там же: 30).

Все в сущности повторилось через два века, возникло новое разделение на платформы, как и во времена первого «энциклопедического» текста

было разделение на карамзинистов и ретроградов, арзамасцев и шишковистов: в лингвистике возникла оппозиция марризма (сродни маразму) и человеческой, по выражению И.Г. Милославского, лингвистики. И в новую эпоху, описанную в энциклопедии лингвистической жизни, то есть текста, разбираемого нами, ставки были не менее высоки (многие лингвисты серьезно пострадали). Суть оппозиции не изменилась, хотя и перешла в иную плоскость, оптика рассмотрения предмета переместилась из литературного творчества (в старую эпоху Пушкин рифмовал рефлекторно после 1825 года *черешен – повешен*) в сферу лингвистики и политики. Так в дальнейшем развитии лингвистика мировоззренчески и философски разделились на две оппозиемы: первую назовем демократической (допускающей варианты и «неправильные правильности»), и вторую – авторитарно-нормативную (неправильно, садись, два... иногда десять, без права переписки).

Дело закончилось в целом благополучно после выхода в свет знаменитого труда Сталина. В новую эпоху лингвистика ушла от квазинаучности марризма, но сохранила диктаторские замашки, проявившиеся в виде позднего произвола над структурным направлением (опять эмиграция, уход в кибернетические НИИ... правда, до философского парохода дело не дошло).

Но великая страна именно в это время впервые за тысячелетия существования письменности получила в 1956 году «Свод правил русской орфографии и пунктуации», то есть «конституцию правописания», когда можно было писать не по Гречу или скупой реформе 1918 года, а однозначно по принятой норме (кстати, в реформе Луначарского забыли отменить ижицу, так и не понятно, может быть, и писать ее можно, раз не отменили?).

Дальнейшие рассуждения над языком и нормой привели автора монографии к выводу, что в языке взаимодействуют три таксона – норма, ненорма и антинорма. Эта идея была весьма подробно рассмотрена в другой книге (Костомаров, 2015), и эта концепция заслуживает того, чтобы ее напомнить читателю: нормы – это совокупность одобряемых к использованию в данный момент единиц языка, ненормы – это «громадное чересполосное поле, откуда берутся нормы... и куда ссылаются... устаревающие или ненужные нормы». Антинормы, в свою очередь, «находятся под запретом, хотя их знают все» (Костомаров, 2019: 32). Автор согласен с мнением академика Л.В. Щербы и выдающегося психолога Л.С. Выгодского, а также и своего учителя В.В. Виноградова, что излишняя нормализация зловредна (в сущности, об этом говорил и А.С. Пушкин – «как лик девичий без улыбки...»). Но, конечно же, все в человеке должно быть прекрасно, в том числе и знание своей нормы (нормы своего языка), поэтому В.Г. Костомаров афористично сформулировал: «Очень не хочется, чтобы то, что пишу, было прочитано как заупокойная по норме... эта категория нужна людям для порядка для упрощения взаимопонимания (Там же: 3435).

Важнейшей идеей книги является соответствие жизни и языка, все в языке подобно иным проявлениям человеческой жизни, в том числе и норма. Так иные нормы диктуют иные правила жизни: «В 1930-е годы, когда я учился в начальной школе, очень многое в стране было не так... Время делилось на шестидневки (первый день, второй... пятый, выходной). Слов поне-

дельник, вторник... пятница в обиходе не было, и я их не знал. Помню, как мне дома объясняли, почему Робинзон назвал туземца Пятницей и что так назывался день недели» (Костомаров, 2019: 37). Понятие нормы и понятие правильности может меняться по разным причинам – как в жизни, так и в языке, и важным наблюдением автора оказалось такое: «Благоговение перед нормой, очевидно, спадает, все чаще речь идет об исторической сменяемости нормы...» (Там же: 39). В результате сложилось диалектическое представление о норме и ее противоположности.

Стилистика работает и с таким неординарным понятием, как правильность, которое автор монографии считает трудноопределимым (следующая глава – «Пиар как правильность»). В конечном итоге правильность – очень жизненное понятие и его следует как-то определить, и В.Г. Костомаров говорит об этом так: «Очертить границы правильного/неправильного – означает выделить три составляющие: разрешенное, запрещенное и допускаемое... В этом пафос нормализации» (Там же: 43). Далее при чтении книги берет оторопь, потому что автор то ли шутливо, то ли серьезно предупреждает: «В нашу жизнь медленно, хотя и шипя, вползает гробовая для существующей нормы змея новой правильности» (Там же: 46), и, как становится ясным, нора этой змеи – СМИ и пиарская (почти пиратская) реклама, олицетворяющие и отражающие новый уклад жизни. И тут поделаться ничего невозможно – какова жизнь, таков и язык, и выбросить из нашей жизни СМИ невозможно, как и рекламу. Обе эти стихии будут служить полигоном для испытания новой правильности.

Глава «О двух ликах языка» посвящена исходному пониманию сути языка, и автор разделяет скорее гумбольдтианское, нежели соссорианское понимание этой сути. Однако важным наблюдением В.Г. Костомарова над жизнью языка стало диалектическое снятие противопоставления «серьезной книжности якобы недостойной разговорности» (ее автор позже в тексте книги называет некнижностью). Налицо возникшая антиномия и оппозиция, и В.Г. Костомаров разрешает эту антиномию, открыв новую генерацию текстов, которые он в своих более ранних работах назвал дисплейными: «Дисплейные тексты стирают границу между звучащим и письменным языком... Таково веяние времени, поддерживаемое новым пониманием правильности в обществе» (Там же: 60–61). Это открытие лингвистике предстоит всецело осознать в будущем.

Так постепенно мы дочитываем книгу до ее центральной главы, которая называется «Стилистика в отечественной науке о языке». Здесь возникает фигура петербургского лингвиста Ю.С. Сорокина, ниспровергателя понятия стиля и мотиватора дискуссии о стилях (с В.В. Виноградовым и другими стилистами) на страницах журнала «Вопросы языкознания». Позже М. Бахтин также отказался от термина *стиль*, предпочтя ему понятие *жанр*, что в конечном итоге породило (в дополнение к стилистике) направление генристики (особо следует подчеркнуть саратовскую школу генристики). Думается, что две родственные дисциплины аспектно и более глубоко рассмотрели эти два понятия и термина. Однако В.Г. Костомаров ввел в эту систему и свое оригинальное представление и назвал это «употреблением языка», соли-

даризовавшись в этом с В.И. Максимовым, В.В. Одинцовым и Ю.М. Скребневым (автором направления коллоквиалистики), стремившимся заменить понятие стиля более точными понятиями подязыка, типа текста и т.д.

В дальнейших главах монографии дело принимает очень серьезный оборот, так как развивается оригинальная концепция стилистики В.Г. Костомарова, суть которой сводится к взаимодействию двух сил в процессе производства текстов: конструктивно-стилевого вектора (КСВ) и контентно-целевого императива (КЦИ). Суть КСВ сводится к следующему: конструктивно-стилевой вектор обобщенно отражает внеязыковые требования, потребности, обстоятельства и задает направление селекции и композиции языковых единиц в последовательности пропозиции текста. При этом и тексты, и единицы оказываются разными: «Так, экспрессия в изобразительно-художественных текстах служит для развертывания словесно-образных цепей (термин В.В. Виноградова), в массмедийных текстах и во многих разговорно-бытовых она нужна для конструирования чередований экспрессем и информем, обеспечивающих помехоустойчивость; текстам научным она в принципе не требуется» (Костомаров, 2019: 99). КЦИ дополняют функционально КСВ: «Чем многофункциональнее язык и разнообразнее его функции, тем привольнее создаются в нем некие малопредсказуемые императивы, как вести себя людям в разных случаях. Их можно именовать контентно-целевыми императивами (КЦИ), которыми уже сам язык задает данное конкретное употребление» (Там же: 99–100).

Впервые в полном объеме эта концепция В.Г. Костомарова была опубликована в предшествующей монографии «Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики» (М., 2015). В рассматриваемой монографии 2019 года автор укрепил теоретические положения новой стилистики и обогатил ее новым содержанием: «Внеязыковые факторы (контент, цель, характер, условия общения), названные нами *стилевыми*, дали возможность описать векторами удобные для классификации и изучения печатные тексты, выделить их крупные, социально осознанные, исторически устойчивые группировки, но, конечно же, не весь безграничный континуум порождаемых текстов. В четкое убедительное описание с трудом вовлекались *звуковые* тексты за пределами книжной разновидности, то есть говоря строго, кроме чтения вслух, с КСВ “коллоквиалиус”. Смертельно ударили по мнению о хаотической недостойности текстов в звуке красочные тексты новой формы реализации – дисплейные, характеризуемые, как и печатная периодика, КСВ “мас-коммуникативус”. Радио и кино, телевизор и интернет восстановили авторитет не книжности и даже действительно рыхлой разговорной ее части» (Костомаров, 2019: 101).

Если судить строго, то впервые в истории нашей лингвистики стараниями В.Г. Костомарова мы получили всеобщую стилистику русского языка в его книжной и не книжной (преимущественно дисплейной) разновидности. И автор монографии видит задачу стилистики «в изучении, систематизации, описании употреблений языка», при этом термин *употребления языка* абсорбирует в себе и термин *стиль*, и термин *жанр*, являясь наиболее объемлющим. Вместе с тем автор монографии призывает называть наш язык в дей-

ствии «образованным языком», понимая под этим устроенность и систематичность языка, с одной стороны, и то, что им владеют образованные люди, с другой стороны (Костомаров, 2019: 122).

Важной особенностью книги является то, что В.Г. Костомаров видит предмет стилистики в употреблении языка – так и называется одна из глав книги, при этом автор книги не одинок: в таком рассмотрении с ним был солидарен А.И. Горшков. Употребления языка бесконечно разнообразны, но могут систематизироваться в блоки, которые Д.Н. Шмелев называл функциональными разновидностями самого языка. Но В.Г. Костомаров придерживается строго найденной ранее формулировки и описывает в монографии типы употреблений языка. Важнейшим из них является государственное употребление, при этом обнаруживается, что в таком качестве в России может употребляться более чем один язык в той или иной республике в рамках федерации. Это может быть проблемой, но В.Г. Костомаров находит из этой ситуации оптимальный выход – «объявить русский язык *общегосударственным* языком федерации, или *федеральным, федеративным*» (Там же: 149). Такой подход позволяет системно распределить функции общегосударственного русского языка и государственного национального языка республик Российской Федерации.

Естественно, что русский язык функционирует и в научном употреблении, ярчайшей приметой которого служат терминосистемы (раздел «Русский как научный язык» в книге), о чем подробно писала соратник В.Г. Костомарова и коллега по институту О.Д. Митрофанова (недавно ушедшая от нас...).

Огромным пластом является русский как массово-коммуникативный язык, появление которого связано с книгопечатанием и тем, что М. Маклюэн назвал Гуттенберговой галактикой (Gutenberg Galaxy). Важным вкладом в осмысление этой проблематики стала книга В.Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе», которая до сих пор популярна на факультетах журналистики. В данной монографии расширяется номенклатура типов текстов, которые используются ныне в массмедиа, при этом сначала скромный дисплейный текст ведет себя в наши дни как известная по басне лиса в доме зайца, хотя такую метафору сам В.Г. Костомаров не использует.

Особым типом употребления оказывается русский как художественно-образительный язык (так называется раздел книги). Здесь важно подчеркнуть, считает В.Г. Костомаров, что стилистические ресурсы авторской речи создают языковую личность автора художественного произведения (Там же: 168).

Как можно догадаться, вышеупомянутые употребления языка в целом корреспондируют функциональным стилям (языка, речи, дискурса – исследователи здесь не единодушны, но, скорее всего, все по-своему правы). Однако В.Г. Костомаров выделяет еще один тип употребления языка в разделе «Русский универсальный язык многих сфер и видов общения в целом». В любом случае найдутся ученые, которые переведут это в терминологию функциональной стилистики, а это значит, что в книге выделен еще один тип (стиль, жанр, как кому нравится) – универсальный, общезыковой, и это очень интересно и перспективно. Автор идеи осторожно приближает общезыковое универсальное употребление языка к понятию культуры речи,

вспомнив сектор в Институте русского языка, организованный С.И. Ожеговым (В.Г. Костомарову пришлось руководить этим сектором определенное время). Очень может быть, что так преодолевается разрыв между стилистикой и культурой речи, который существует до сих пор. Общеуниверсальный стиль нехудожественной речи (отличающийся от языка художественной литературы – ах, Журден, как ты прав!) давно просится на страницы научных книг, и как его ни назови, но выделить такой «суперстиль» придется, что фактически уже сделано в рассматриваемой книге.

Монография В.Г. Костомарова переполнена оригинальными и перспективными идеями для развития теории текста, стилистики и культуры речи, читать эту книгу – истинное удовольствие.

Список литературы

Костомаров В.Г. Стилистика, любовь моей жизни... СПб.: Златоуст; М.: Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, 2019.

Костомаров В.Г. Язык текущего момента. Понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2015.

Сведения об авторе:

Киров Евгений Флорентович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина. *Сфера научных интересов*: русская грамматика, фонетика и фонология, теория и история языкознания, теория дискурса и философия языка. E-mail: evg-kirov@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2020-18-1-126-133

Book review

Review on V.G. Kostomarov's monograph "Stylistics, love of my life..."

(Saint Petersburg: Zlatoust Publ.;

Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2019. 184 p.)

Evgeny F. Kirov

Pushkin State Russian Language Institute
6 Akademika Volgina St., Moscow, 117485, Russian Federation

Article history: received: 18.11.2019; accepted: 25.12.2019.

For citation: Kirov, E.F. (2020). Review on V.G. Kostomarov's monograph "Stylistics, love of my life..." (Saint Petersburg: Zlatoust Publ.; Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2019. 184 p.). *Russian Language Studies*, 18(1), 126–133. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-126-133>

References

- Kostomarov, V.G. (2015). *Language of the current moment. The concept of correctness*. Saint Petersburg: Zlatoust Publ.
- Kostomarov, V.G. (2019). *Stylistics, the love of my life...* Saint Petersburg: Zlatoust Publ.; Moscow: Pushkin State Russian Language Institute.

Bio note:

Evgeny F. Kirov, PhD Habil., Professor of the Chair of General and Russian Linguistics of the Pushkin State Russian Language Institute. *Research interests*: Russian grammar, phonetics and phonology, theory and history of linguistics, theory of discourse and philosophy of language. E-mail: evg-kirov@yandex.ru